

великая русская литература. В ней вся наша надежда на воскресение русской свободы и русской совести. Когда рабоче-крестьянская масса действительно, а не формально, вступит в наследие Пушкина, тогда можно будет надеяться на освобождение. Это будет не скоро, но это будет. Ужасна тяжесть России, косность ее пространств и времен — даже в поверхностном вихре революции. Под жерновом времени не одно поколение измельет в порошок. Но будущий путь ясен. С надеждой мы можем смотреть в будущее — хотя бы со скорбной надеждой Моисея на рубеже Земли Обетованной. Над миром стучаются сумерки. Над Россией они начинают разсыпаться.

Чаемая Россiя

В последнее время неустанно и как-то особенно взволнованно думается о России: словно мы накануне свидания с нею. Бывают недѣли, мѣсяцы, впродолжение которых изо дня в день нарастает несправедливое, но и неукротимое раздражение против дѣловитости и плоской разумности будничной европейской жизни, мало чѣм связанной со страшными событиями, зрѣющими за поверхностью текущаго историческаго дня. Ничего то в ней не чувствуется таинственнаго. Во всѣх обликах и на всѣх лицах тупое выражение «евклидовой геометрии». Всякій отрывок фразы на улицѣ — о цѣнах и деньгах. Ни одного недѣшняго человѣческаго взора.

Выѣдешь за город — все то же. В природѣ ни равнодушiя, ни красоты, ни вѣчности. Все в ней очеловѣчено, разграфлено и прозаически приспособлено к нуждам и радостям публики. Только что сошел с чернаго шоссе в лѣс, как запрещенное для автомобилей сѣрое шоссе уже снова выводит тебя на другое, черное же, по которому снова несутся автомобили либо в сосѣднiе города, либо в загородные рестораны.

Нелѣпо и бессмысленно: все несется в даль, а дали то в жизни никакой и нѣтъ, — ни дали мечты, ни дали риска, ни дали вѣры. Предѣл мечты — костюмированный бал во «всѣх залах» пивовареннаго завода, предѣл риска — отправка багажа без страховки, предѣл вѣры — идейный уход в отставку с сокращеніем жалованія на пятьдесят процентов.

В деревнѣ, несмотря на новѣйшія усилія по насажденію нео-крестьянской почвенности и трудового аристократизма, продолжает господствовать типично капиталистическій, мѣщанскій стиль жизни и работы.

С ранней зари и на барском и на крестьянском дворах господствует фабричное электричество: молотит, вѣет и ссыпает зерно, доит коров, сепарирует молоко, сбивает масло, а по ночам заливает своим хирургическим свѣтом радости и горести пороссящихся свиней. Обѣдает весь трудящійся мір, конечно, врозь. Семья помѣщика, какого бы он ни был захудалого происхожденія, у себя в столовой. Инспектор с домоправительницей — в буфетной. Домашняя прислуга на бѣлой кухнѣ, дворовая — на черной. В восемь часов вечера, по окончаніи работы, громадныя дворы нѣмѣют. Ни пѣсни с поля, ни пляски на лужайкѣ, ни стариковскаго разговора на заваленкѣ — ничего, что было так прекрасно в старой Россіи. Усадьбы и деревни входят в ночь, как заправскія зернозаготовительныя фабрики. Только молодежь, наскоро переодѣвшись и всунув навозныя ноги в лаковыя ботинки на картонной подошвѣ, несется на велосипедах в сосѣдній городок, чтобы в душной танцуюлькѣ и кинематографѣ взволнованно помечтать о большом фабрично-казарменном городѣ, хищная и расчетливая душа котораго уже давно погасила в себѣ какія бы то ни было мечты, замѣнив их голою жаждой жизни и власти.

Замѣчательно, с какою точностью историк возрожденія, знаменитый Яков Буркгарт болѣе полувѣка тому назад предсказал переживаемый нами военно-революціонный финал либерально-капиталистической эпохи. «Он (Бисмарк) понял — пишет Буркгарт в 1872 году фон Прэну, — что нарастающая демократически-соціальная волна должна будет так или иначе привести к насильничеству и начал свои войны 1864, 1866, 1870 годов. Но мы еще только в началѣ... Все, что мы сейчас

дѣлаем, находится в каком-то смѣшном контрастѣ к изумительной, до мелочей разработанной цѣлесообразности военного міра. Начало военщины должно поэтому стать образцом всего нашего бытія. Вам будетъ наиболѣе интересно наблюдать военное преображеніе государственнаго аппарата; для меня — военное оздоровленіе школьнаго и общеобразовательнаго дѣла. Самую странную будетъ судьба рабочих; у меня предчувствіе, звучащее абсолютнымъ безуміемъ и все же не покидающее меня: военное государство должно стать крупнѣйшимъ фабрикантомъ и предпринимателемъ. Людскія скопища в большихъ предпріятіяхъ не могутъ навѣкъ оставаться в нищетѣ и предоставлены алчности; опредѣленная, сверху блюдомая мѣра бѣдности в мундирѣ, рабочій день, начинаемый и кончаемый под барабанный бой — вот то логически неизбѣжное, что нас ожидаетъ. *)

Россія, бывшая во многихъ отношеніяхъ странною весьма свободной и передъ войною явно богатѣющей, все же не была ни странною политическаго либерализма, ни странною капитализма в точномъ, т.-е. в западно-европейскомъ смыслѣ этихъ словъ. Тѣмъ не менѣе — и в этомъ заключается парадоксъ новѣйшей русской исторіи, — она волею большевистской власти, в лицѣ С.С.С.Р., с невѣроятной силой и прямолинейностью осуществила предсказанный Буркхартомъ революціонно-военный финалъ либерально-капиталистической эпохи. В цѣломъ рядѣ отношеній большевизмъ безспорно создалъ модель политическаго и хозяйственнаго стиля двадцатаго вѣка. В чемъ основная сущность, в чемъ верховный законъ этого стиля?

Европа послѣднихъ ста пятидесяти лѣтъ политически опредѣлялась борьбою трехъ принциповъ. Силовое отношеніе этихъ принциповъ было в разныхъ странахъ и в разные эпохи весьма различно. Самый старыи принципъ новой Европы, ослабленный, но не отмѣненный французской революціей — средневѣковый принципъ авторитарнаго іерархизма. Второй принципъ, выдвинутый просвѣщенствомъ и либерализмомъ, — принципъ равновѣсія

*) Jakob Burckhardt. Briefe. Alfred Kröner Verlag. Leipzig 1935. Стр. 348.

всѣхъ духовныхъ и социальныхъ силъ, вѣра в то, что истина есть не что иное, какъ функція свободной борьбы мнѣній, а общество — лейбниевская, предустановленная гармонія между личными интересами всѣхъ его членовъ. Этою вѣрою в то, что истина есть всего только сбалансированная система интересовъ, мнѣній и воли, и объясняются всѣ принципы и институты политическаго либерализма: раздѣленіе властей на законодательную и исполнительную, раздѣленіе палат на верхнюю и нижнюю, раздробленіе политической воли народа на голосующія партіи, а экономической жизни на хозяйственныя группы.

Одновременно с этимъ вторымъ принципомъ черезъ ту же триумфальную арку великой французской революціи вошелъ в европейскую жизнь и третій принципъ — принципъ равенства. Вопросъ внутренняго взаимоотношенія принциповъ равенства и равновѣсія одинъ изъ самыхъ существенныхъ и сложныхъ вопросовъ политической жизни 19-го вѣка. В концѣ концовъ к нему сводятся всѣ труднѣйшіе вопросы какъ внутренней свободы человѣка, так и всѣхъ проистекающихъ изъ нея политическихъ свобод. Односторонне связывать, какъ это становится все болѣе моднымъ, либерализмъ со свободой, а демократію со свободоненавистническимъ уравнильствомъ — значитъ насильственно стилизовать политическую исторію послѣднихъ десятилѣтій. Но не видѣть, что конецъ девятнадцатаго вѣка все сильнѣе опредѣлялся трагическою борьбою якобински-руссоистской уравнильной демократіи со свободой и либерализмомъ — тоже нельзя. Борьба многихъ либеральныхъ и особенно консервативно-либеральныхъ круговъ противъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права была не только борьбою имущихъ классовъ за свои хозяйственно-политическія привилегіи, но и борьбою за свободы, в смыслѣ качественнаго принципа, противъ свободы, в смыслѣ принципа чисто количественнаго. Душа либерализма, не в смыслѣ абстрактнаго принципа великой формулы «свобода, равенство и братство», а в смыслѣ конкретнаго историческаго явленія, одна изъ наиболѣе раздвоенныхъ душъ новѣйшей исторіи. Защитою индивидуальной, то-есть качественно конкретной свободы каждаго человѣка либерализмъ связанъ с принципомъ іерархизма, котораго онъ однако не в силахъ оправдать никакимъ высшимъ авторитетомъ. Распростра-

неніем же политическаго принципа равенства на всѣ области культуры и жизни онъ связанъ с безкачественно уравнилельной, массовой демократіей, за плечами которой неизбѣжно возникновеніе кровавыхъ призраковъ деспотіи и новаго неравенства.

Сущность интересующаго насъ предсказаннаго Буркгартомъ процесса перерожденія либерально-капиталистической эпохи в военно-революціонную, но в извѣстномъ смыслѣ все же демократическій диктатуры 20-го вѣка, лучше всего можетъ быть раскрыта на примѣрѣ Германіи.

Утвержденная в августѣ 1919 года Веймарская конституція, типичнѣйшее и в извѣстномъ смыслѣ, быть можетъ, совершеннѣйшее твореніе классически-либеральнаго духа, была провозглашена с явнымъ запозданіемъ. В моментъ ея принятія, положенная в ея основу идея связанныхъ исключительно своею совѣстью народныхъ представителей, искренне стремящихся к общему сговору, была окончательно подорвана великою войною, разразившимися послѣ нея революціями и міровымъ хозяйственнымъ кризисомъ. Честная, парламентарная борьба мнѣній была во всѣхъ демократическихъ странахъ рѣшительно замѣнена кулуарно-закулиснымъ сговорами экономическихъ и финансовыхъ группъ. Вѣры, что можно договориться до истины и на почвѣ истиннаго сговора построить внутренній и внѣшній міръ, в послѣвоенной Европѣ, несмотря на Вильсона и Версаль, ни у кого не было. Тѣмъ не менѣе новорожденный нѣмецкій либерализмъ упорствовалъ и не сдавался. Цѣлыхъ 12 лѣтъ больше 20 партій пытались сбалансировать нѣмецкую жизнь и парламентски уравновѣсить антипарламентарныя силы справа и слѣва, т.-е. примирить другъ с другомъ идеи авторитарнаго іерархизма, еще живыя в консервативныхъ кругахъ Пруссіи, с идеями уравнилельно коммунистической демократіи.

Брюнингъ первый увидѣлъ тотъ психологическій и политическій тупикъ, в который Германію завелъ веймарскій либерализмъ, и попытался смѣнить идею либеральнаго равновѣсія на идею авторитарнаго іерархизма. Внѣшне это выразилось в мягкомъ, но почти полномъ угашеніи дѣятельности парламента и в передачѣ почти всей полноты власти «вѣрующему в Бога и в порядокъ солдату Гинденбургу». Эта комбинація принципа умаленнаго либерализма с принципомъ іерархіи и авторитета не удалась. И не

удалась главным образом потому, что в нее не были вовлечены массы, стоявшая частично за вождями коммунизма, главным же образом за Гитлером. Последний канцлер старого режима, фон Папен, попытался было исправить эту ошибку; но его замысел — включить в правительственный аппарат и новые национал-социалистические массы, хотя бы только в лице вождя и окружающей его элиты, обанкротился еще скорее, чем попытка Брюнинга. После падения Папена осуществилось то, в чем очевидно и заключается господствующая политическая идея новой Европы: своеобразное слияние принципа авторитарного иерархизма с принципом уравнительной демократии, т. е. встреча вождя и масс при погашенном свете просвещенского разума и либеральной свободы.

Для вырабатываемой сейчас в Европе новой политической формы, основанной, во-первых, на ликвидации либерализма, во-вторых, на изъятии принципа авторитарного иерархизма из рук традиционной власти, и, в-третьих, на уравнительном демократизме сбитых в социальные массивы революционных масс, наиболее важна, но и наиболее трудна, проблема внутреннего обоснования власти. Все прежние обоснования для новой политической формы явно непригодны. Власть современных правителей, охотно именующих себя подлинными демократами, не основывается, как в их собственном сознании, так и в сознании их подлинных последователей, ни на воле Божией, как в монархии, ни на народном избрании, как в либерально-парламентских демократиях, ни на личном произволе и самовозвеличении, как в деспотиях. Современный правитель чувствует и утверждает себя, в идеальном случае, по крайней мере, прозорливым истолкователем и призванным воплотителем воли ведомых им масс. Свои антипарламентарные теории однопартийной диктатуры обосновывают прежде всего на утверждении, что парламентарный либерализм не способен к разумному и осуществлению подлинной народной воли. По учению Сореля и Парето, творящая историю идея-сила раскрывается в правящих «элитах» и в других «социологических отборах». Немецы — Розенберг, Мараун и Марр говорят в этой же связи об «ордене» и «бунде» (непереводимый немецкий

термин, означающий нѣкую высшую форму союза). По учению Ленина, подлинный социализм надо искать не в рабочих массах, а в пролетарском авангардѣ и в старой партійной гвардіи.

Если либеральное государство стремится к тому, чтобы уравновѣсить и примирить противоположныя мнѣнія, воли и интересы граждан, то борющаяся против него новая форма демократически-идеократической диктатуры стремится как раз к обратному: к уничтоженію всѣх различій путем отождествленія всего со всѣм. Если в системѣ авторитарнаго іерархизма истина есть единство, в системѣ либеральнаго парламентаризма — равновѣсіе, в системѣ антилиберальной социалистической демократіи — равенство, то в системѣ идеократической диктатуры она есть тождество, тождество вождя, партіи и ведомых масс. По нѣмецкому ученію, партія есть образ и душа народа, по ученію фашизма — основа и субстанція итальянской націи и римской традиціи, по ученію ленинизма — заковка и надежда мірового пролетаріата и міровой революціи. На принципѣ этого основного, почти мистическаго тождества, строятся всѣ дальнѣйшія, характерныя для современности отождествленія: тождество права и правды, правды и силы, солдата и революціонера; тождество государства и общества, внѣшняго насилія и внутренней свободы, управления и воспитанія, власти законодательной и исполнительной; тождество сознательнаго принужденія к господствующему міросозрѣнію и предполагаемаго во всѣх принуждаемых безсознательнаго стремленія к нему же и т. д., и т. д. вплоть до утвержденія тотальности (всеохватывающей цѣлостности), как верховнаго принципа новой, авторитарно іерархической исповѣднически-воинственной и социальнo озабоченной государственности двадцатаго вѣка.

Отталкиваясь от большевизма, этого трехъупостаснаго хаоса государственно-капиталистической фабрики, усовершенствованнѣйшей казармы и противобожеской церкви и ожидая его паденія, мы, эмигранты пореволюціонной формациі, не смѣем, как бы это ни было заманчиво, в порядкѣ старо-эми-

грантских воспоминаний и предчувствий, отдаваться безконтрольному прожектерству о грядущей Россіи. Всѣ высказыванія о том, куда пойдет Россія, должны исходить, во-первых, из анализа того, куда она пришла за годы революціи, а, во-вторых, из разсмотрѣнія вопроса, куда идет весь мір и в частности Европа, к которой, даже в качествѣ Евразіи, безспорно принадлежит Россія. Вот почему я и остановился столь подробно на анализѣ новаго политическаго стиля 20-го вѣка. Всѣ эти трезвыя размышленія пересѣкаются и осложняются однако дальнѣйшею, как бы противорѣчащею всему сказанному, мыслью.

Человѣческая исторія не равнодушная природа. Исторически-социологическая наука — не физика. Кантовская идея соціальной физики — утопія. В природѣ естествоиспытателей господствуют закон и порядок, — в исторіи — свобода и зло. В естественных науках возможны потому тѣ точныя предсказанія, которыя не возможны в исторіи. Но если дѣло обстоит так, то к чему нужны всѣ наши анализы грядущих судеб родины? Как отличимы и отличимы ли вообще беспочвенныя мечтанія о будущем от трезвых и разумных размышленій о нем? Не правы ли в послѣднем счетѣ скептики всѣх отгѣнков? В борьбѣ за идею «Новаго града» часто встрѣчаешься со скептицизмом. Поскольку он проистекает из усталости, малодушія, безвѣрія, или в нѣкоторых рѣдких случаях из глубин своеобразнаго антиисторически направленаго мистицизма, постольку против него вряд ли возможны возраженія. Поскольку же сомнѣнія в осмысленности теоретической работы над будущим исходят из теоретических же предпосылок, постольку они могут быть, если и не совсѣм разсѣяны, то все же в значительной степени ослаблены. Точныя предсказанія в исторіи, конечно, не возможны, но сбывшихся пророчеств она знает не малое количество. Разница же между недоступным для исторіи научным предсказаніем и пророчеством та, что пророки не предсказывают того, что неизбѣжно должно случиться при всѣх условіях, а лишь указывают, какіе кары и ужасы постигнут тѣх, кто в рѣшающія историческія минуты останутся глухи к требованіям и предупрежденіям прорицателей.

Мы, новгородцы, конечно, не назовем себя пророками — уж очень торжественно и великолѣпно звучит это библейское слово, — но все же и нам, — такова уже природа исторического познания — нельзя иначе думать о будущем Россіи, как в порядкѣ предупрежденія о том страшном, что неизбежно должно обрушиться на нас, если не будут услышаны голоса истины и совѣсти.

Всего сказаннаго, думается, достаточно для того, чтобы предостеречь себя как от ложных и праздных мечтаній о будущей Россіи, так и от апатіи отчаянія и безсилія. Запомним: Россіи, помимо каждаго из нас и помимо всѣх нас вмѣстѣ, уже сейчас кѣм-то задуманной и окончательно уготованной к осуществленію — нѣт. В концѣ концов, она может стать такой, какою ее задумают и осуществляют безкорыстно вѣрные ея памяти и творчески озабоченные ея будущим русскіе люди. Не надо только поддаваться тлетворной лирикѣ своих корыстных воспоминаній. Как ни страшно и как ни грустно в этом признаться, но в эмиграціи нѣт болѣе слѣпых и болѣе зло устремленных на Россію взоров, чѣм увлажненные нѣжнѣйшими воспоминаніями взоры старо-эмигрантских патріотов. Одно время казалось, что всей этой сентиментально-озлобленной и сладострастно-жестокой эмигрантшинѣ, слѣпо исповѣдующей злую большевистскую ложь, будто современная Россія сплошь большевистская, и готовой потому с кѣм угодно идти против нея, наступает конец. Но вот измѣнилась политическая конъюнктура и уже снова заливаются соловьи пораженчества, преступно сближая прекраснодушную лирику своих вечерних закатов с кровавыми зорями чаемой ими войны — против С.С.С.Р. за Россію.

Всей этой убогой, но и страшной эмигрантской активності, собирающей нитки для смирительной рубашки большевизму рѣшительно со всего міра, необходимо противопоставить нѣкій новый замысел о Россіи, нѣкое новое видѣніе ея на фонѣ послѣвоенной Европы, мѣняющей не только свой политическій строй, но и психо-химическій состав европейца, чего никак не хотят понять послѣдніе могикане русскаго либеральнаго и социалистическаго демократизма, считающіе основною задачею русской эмиграціи блюсти завѣты всероссійскаго учредитель-

наго собранія и знаменуемаго им духовнаго и политическаго міра 19-го вѣка.

Конечно, в Западной Европѣ нам, эмигрантам, часто становится скучно, — в просторѣчїи «скучно» все равно, что тошно, — прежде всего потому, что мы не можем жить с ней своєю жизнью. В Россію же нас тянет потому, что мы не можем убить в себѣ подсознательнаго чувства, что, какою бы она ни была, она все-таки своя; как своя мила и по-милу хороша. Как бы сильна не была эта логика чувств, не в ней одной дѣло. Наше тяготеніе к Россіи имѣет еще и другія, болѣе объективныя причины: какую-то смутную надежду на то, что большевистская Россія, построившая свою кровавую идеократію против не существовавшаго в Россіи буржуазно-капиталистическаго строя, сможет первою выйти на новый историческій путь, первою приступить к новой исторической стройкѣ. Весь вопрос только в том, во имя каких идей и чьими руками начнется новое дѣло. Не вѣрится, чтобы тѣ же большевики, которые одурманили сознание Россіи ленинским зельем и насильнически вынудили у нея тот государственно-капиталистическій выкидыш, который зовется совѣтским социализмом, были призваны в строители будущей Россіи. Свою историческую задачу подрыва западно-европейской либерально-капиталистической цивилизаціи на обходных путях разрушенія Россіи они выполнили весьма успѣшно. Достаточно указать на то, что всѣ социальныя революціи на Западѣ и всѣ національныя на Востокѣ так или иначе связаны с большевизмом и что большевизм, очевидно, является создателем нѣкакого прообраза всѣх новѣйших идеократических диктатур, чтобы понять размѣр их вражьяго подвига. Но разрушители — не строители. Для созданія будущей Россіи понадобятся совсѣм другія духовныя силы и душевныя качества, чѣм тѣ, при помощи которых большевики, не щадя Россіи, таранили буржуазную Европу. То, что они сейчас как бы сдают свои старыя позиціи: начинают преподавать исторію в школах и университетах, изучать народныя пѣсни и преданія, с пафосом описывать кавалерійскіе пробѣги и возрождают любовь к чинам и формам, свидѣтельствует, поскольку рѣчь идет не о Россіи, а о

большевистском правительствѣ, лишь об угасаніи старой вѣры, а не о нарожденіи новой. Думать, что новая вѣра, подымающаяся сейчас из бессознательных глубин русскаго народа, как-то раздвинет правительственное сознание и благополучно умѣстится в нем, не приходится. Спорить можно лишь о том, сломит ли она всего только власть большевистскаго міросозерцанія над Россіей или снесет и головы большевиков. Временами надѣясь на первое, но иногда ясно предчувствуя второе, мы вѣрно знаем лишь одно: в Россіи уже навсегда ликвидирована старая буржуазная Европа, но в ней начинает ликвидироваться и большевистски-коммунистическая форма идеократической диктатуры. Это не значит, конечно, что в Россіи уже завтра окончательно прекратятся всѣ ужасы совѣтской деспотіи; это значит лишь то, что они уже давно начали терять и завтра окончательно потеряют свой историческій смысл. Безумное становится бессмысленным. Процесс обезсмысливанія революціоннаго безумія неизбѣжно есть и процесс нарастанія новаго пореволюціоннаго подъема.

Высказывая такія мысли, часто приходится слышать возраженія, что онѣ не учитывают главнаго: беспредѣльной усталости русскаго народа, которому, послѣ страшных лѣтъ большевистскаго царствованія, не до новых идей, не до новаго творческаго подъема, который жаждет одного: сытаго покоя и идейнаго затишья. Разсужденіе это, как уже отмѣчал Бунаков, не вѣрно. Устали в Россіи люди, которые созрѣли до революціи. В тѣх же, которые в дни октября были малыми дѣтьми или подростками, по всѣм доходящим до нас свѣдѣніям, чувствуется все, что угодно, но только не усталость. Как раз наоборот: в Россіи тянется сейчас к жизни и власти поколѣніе, с пеленок привыкшее к борьбѣ и риску, выносливое, изворотливое и самопадѣнное, чувствующее себя какими-то гонимыми мотоциклистами на крутом виражѣ широкаго историческаго пути. Активности в нем хоть отбавляй. Почти непосильной задачей кажется лишь одухотвореніе и усложненіе его варварскаго активизма. Вся наша надежда в этом отношеніи на идократиче-

скій характер большевистской диктатуры и на интеллигентскій пошиб (пока только еще пошиб) комсомольца. Разочарованіе в марксизмъ уже началось и будет неизбежно развиваться. Против марксизма ополчатся: рост національно-патріотическаго сознанія, неизбежное в будущем выясненіе того, что марксизм вовсе не послѣднее слово культуры, а давно превзойденная развитіем науки и жизни соціологически-экономическая доктрина и осознаніе того факта, что всѣ періоды хотя бы временнаго улучшенія совѣтской жизни были связаны с отступленіем власти от марксистской доктрины, періоды же ея омраченія вплоть до осатаненія — с возвратом к Марксу. Вся эта несложная критическая работа должна в ближайшее же время привести к полному оголѣнію всѣх идеологических фронтов, а тѣм самым и к утвержденію новых богов. Я знаю, что это «тѣм самым» для многих сомнительно. Эти многіе думают, что идеологически перекормленная Россія вполне сможет удовлетвориться устройством тѣх новых дешевых квартир, что обѣщает в ближайшее время выстроить для всѣх своих граждан совѣтская власть.

Размышляющіе так страдают абсолютной нечувствительностью к духу и стилю переживаемой нами эпохи. Они не видят, что мы всѣ, — хотим ли мы того или не хотим, — солдаты-герои или солдаты-пѣшки одной из величайших идейных войн міровой исторіи. Никаких уютных квартир сейчас в мірѣ нѣтъ и быть не может. Спокойно спать сейчас можно только в походных постелях и знать, что ты завтра будешь сыт только, если у тебя в карманѣ сухарь, а за спиной банки с консервами. За послѣднія десятилѣтія мы пережили вещи, в возможность которых в концѣ прошлаго вѣка никто не повѣрил бы. Дѣло не в том, что мы восвали в окнах и дрались на барикадах, а в том, что над нами в каких-то страшных хаосах пронеслись голоса и топоты древнѣйших вѣрованій и сокровеннѣйших инстинктов человечества. Как на зарѣ своей жизни, христіанство переживает гоненія и катакомбы; коммунисты издѣваются над церквами и мощами, а антикоммунисты развѣивают прах сожженных коммунистов по воздуху. Церковные вопросы, еще вчера никого не интересовавшіе, собирают многотысячныя аудиторіи и на улицах атеистическаго Запада вспыхивают революціонныя

стычки между христiанами-исповѣдниками и их противниками. Такими же польхающими кострами горят націоналистическія страсти и казавшіеся навсегда отошедшими в прошлое расовые инстинкты. Научно критическое сознание почти всюду свертывается, догматически-исповѣдническое развертывается. Отвѣтственные политическіе дѣятели вѣщают как пророки, а в Америкѣ, странѣ золотоискателей и дельгодѣлов, президент Рузвельт платит фермерам деньги за то, что они отказываются от воздѣлыванія своих земель. Думать, что в такія времена «русскіе мальчишки» из большевиков, в каком-то неожиданныйшем смыслѣ побѣдившіе дѣловую и дѣляческую Европу, успокоятся на устройствѣ квартир с водопроводом и канализаціей, есть верх фантастики. Пусть на этом успокоятся милліоны, — тѣ тысячи, которыя всюду и всегда господствуют над милліонами, на этом не успокоятся. Оставшееся в их душах послѣ развала марксистской идеологіи мѣсто пусто они неизбѣжно должны будут превратить в мѣсто свято новых идей и убѣжденій. Наш долг — встрѣтиться с ними и попытаться помочь им в осуществленіи этой трудной задачи.

Перед тѣм, как попытаться хотя бы в самых общих чертах начертать возможную формулу этой встрѣчи, спросим себя искренне — какія силы современности за нас и какія против. Вѣдь затѣм только и выясняли мы выше особенности политическаго стиля 20-го вѣка, чтобы не только лирически мечтать о желанной нам Россіи, но и социологически размышлять о ея возможном в будущем образѣ. Главное, что за нас — это идеократическій характер всѣх современных антибуржуазных и антилиберальных диктатур. Творить политическую жизнь во имя цѣлостной идеи и всеохватывающаго міросозерцательнаго замысла в условіях 20-го вѣка скорѣе банальность, чѣм парадокс. В лицѣ большевиков Россія в свое время первая отказалась от политики національных, а в послѣднем счетѣ даже и пролетарских интересов и начала политику «философствованія молотом». Фашистская Италія с латинским чувством мѣры послѣдовала ея примѣру. Германія с еще большею силою убѣж-

денія кладет в основу своей внѣшней и внутренней политики свою тоталитарную идею. Австрія явно пытается создать нѣкое подобіе свободной теократіи. Всѣ созвучныя новой Европѣ пореволюціонныя теченія русской эмиграціи не сомнѣваются в том, что на знамени борьбы против большевиков должна быть начертана нѣкая общерусская идея, а не лозунг защиты чьих бы то не было интересов, хотя бы даже и интересов самой Россіи. Вопрос только в том — какую же выдвигать идею? Слѣдя прочной традиціи девятнадцатаго вѣка, «Новый град» выдвигает идсю христіанской культуры и политики. Спрашивается: возможны ли серьезныя возраженія против попытки положенія христіанской идеи во главу угла новаго строительства? Думаю, что возможно лишь одно возраженіе: мір находится сейчас в таком озлобленном, осатанѣлом состояніи, он с такою очевидностью упорствует в своем желаніи все дальше длить и так уже затянувшійся період войн и революцій, в нем так мало готовности к христіанскому смиренію и так не слышно тихаго дыханія вѣчности, что невольно кажется, что христіанству, как политической силѣ, или придется обогреть себя кровью или неслышанным сойти со сцены историческаго дѣйствія. Нѣтъ слов — возраженіе это очень сильно. Достаточно простого сопоставленія глубокомысленно-прекраснаго теченія великопостныхъ служб со всѣмъ тѣм, что изо дня в день наполняет газеты, чтобы оцѣпенѣть от отчаянія и до корней волос устыдиться донкихотству своих пореволюціонно-новоградскихъ концепцій. Все это так и все же: единственное возраженіе против попытки опереть борьбу за Россію на православную церковь и живое социальное христіанство не возраженіе вовсе. Ясно, не беря на душу многихъ тяжелыхъ грѣховъ, вождю вѣрующихъ борцовъ за новый обликъ міра и Россіи со своей задачей не справиться. Политика правителей христіан не будет и не сможетъ быть христіанской политикой. *) Многое говоритъ за то, что эти неизбѣжныя компромиссы могутъ принять размѣры, которыхъ христіанской совѣсти не вынести. Тогда, конечно, останется лишь путь в какомъ-бы. Но всѣ эти безусловныя возможности не освобожда-

*) Ср. мои статьи «Христіанство и политика». «Современные Записки», №№ 53, 55.

ют нас от необходимости упорной борьбы за христианское осиливание стоящих перед нами задач. Капитуляция без боя равносильна самоубийству из-за страха поражения. Нѣтъ, указанія на трудности — не возраженія! Дѣйствительным возраженіем против новгородскаго замысла могло бы быть лишь указаніе другой, болѣе подходящей для возрожденія Россіи идеи. Но в том то и дѣло, что никакой иной идеи нѣтъ и быть не может. Идея — не выдумка, не произвольная философская концепція одинокаго ума, раздѣляемая хотя бы милліонами приверженцев. Идея — это духовная первооснова жизни, по которой исторія расширяет узоры отдѣльных національных и эпохальных культур. Этою сущностью идеи объясняется то, что она всегда жива и жизненно опредѣлена тѣм или иным отношеніем к высшему началу, т.-е. к Богу. По существу возможны поэтому всего только три первоначальныя идеи. Человѣчество может жить или утвержденіем Бога, как Творца и Зиждителя міра и жизни; или утвержденіем всемогущаго человѣка, как создателя верховной идеи о Богѣ; или, наконец, отказом от всякаго отношенія к Богу. Культуры народов могут быть потому или опредѣленно религіозными, или религіозно непредрѣшенческими, или, наконец, явно богоборческими. Позиція міросозерцательнаго непредрѣшенчества никогда не была русскою позиціей. В Россіи даже интеллигенція жила или вѣрою в Бога, или борьбою с Ним, что было бы не трудно показать при помощи анализа основных явленій русской культуры даже и 19-го вѣка. В духовно рушащемся сейчас большевизмѣ рушится идея русскаго богоборчества. Замѣна этой отрицательной, но все же большой и подлинной идеи какою-нибудь произвольной исторіософскою выдумкой (пу, скажем, концепціей нѣкоего евразійствующаго диктатора, утверждающаго малоцѣнность славянскон крови по сравнению с тюркскою и проповѣдующаго расовую монголизацию Россіи в цѣлях совмѣстнаго с Китаем и Японіей завоеванія Западной Европы и ея дехристианизации) в принципѣ, конечно, возможна, но возможна только для такой идеократически-деспотической власти, которая готова на всяческія насилія в цѣлях перскройки народнои души и народнаго тѣла. Для всѣх же, кто ищет для Россіи новых путей, созвучных глубочайшим запросам 20-го вѣка, но не ведущих в туники идеократій и дик-

татур, остается дѣйствительно только одно: возврат к перво-
зданной идеѣ русской культуры, к идеѣ православнаго хри-
стіанства. В ней легче, чѣм в какой-нибудь иной идеѣ, могут
быть внутренне примирены ищущія в наше время творческой
встрѣчи начала авторитарнаго іерархизма и демократическаго
равенства. И не только потому, что христіанство представляет
собою живое и таинственное единство іерархіи и равенства, но
и потому, что, требуя послушанія христіанской идеѣ, вожди на-
рода будут требовать подчиненія не только самим себѣ, но и
тому, чему сами подчиняются: вѣрованіям и убѣжденіям, кото-
рыя вѣками творили исторію Россіи. Цѣнность этих размыш-
леній косвенным образом доказывается и тѣм, что всѣ борю-
щіяся с большевиками правительства не только не отрицают
христіанства, но прикрываются им как щитом в борьбѣ за свои
идеалы. В Австріи это совершенно очевидно. Муссолини по-
шел за благо примириться с церковью. У націонал-соціализма
очень сложные счеты с христіанством, но, как бы сложны они
ни были, 24-ый параграф программы, утверждающій, что пар-
тія стоит на точкѣ зрѣнія положительнаго христіанства, все
еще в силѣ. В силѣ остается потому и 293-ья страница «Моей
борьбы», защищающаяся не только христіанство, но и невоз-
можность для христіанства, желающаго быть религіей, а не без-
отвѣтственным міросозерцаніем, отказаться от своего догма-
т и ч е с к а г о содержания. Думаю, что сказывающееся во всем
этом желаніе современных диктатур походить на христіанскія
государства свидѣтельствует о правильности моей мысли, что
в древности, традиціонности и всенародности христіанской идеи
кроется нѣчто нужное для современнаго полнитического строи-
тельства, какая-то полезная правда. Имя этой правды, конечно,
с в о б о д а . Сближая свое міросозерцаніе с христіанством, со-
временная диктатура как бы говорит народу: если я тебя и на-
силую, то я это дѣлаю во имя той правды, которая издавна за-
ложена в тебѣ самом.

Россія, которая послѣ паденія большевиков начнет духов-
но воскресать к новой жизни, будет в своей массѣ, вѣроятно,
мало чувствительна к свободѣ. Но для той ея творческой эли-
ты, на которую мы только и можем рассчитывать, свобода бу-
дет безспорно верховною цѣнностью. Потому мнѣ и представ-

ляется не безнадежно попытка подлинно свободолюбиваго начала новой эры. Страшно подумать, если в порядкѣ какой-нибудь новой идеократической перелицовки на голову освобожденных русских граждан снова обрушится все то, что уже было: на торжественной авансценѣ долгожданнаго переворота, флаги и мѣдныя трубы, марши и шпалеры, сильные голоса ораторов и бурные аплодисменты, а по низу, у ног марширующих и за спинами витійствующих шепоты измѣн и провокацій, ведущіе к висѣлицам и разстрѣлам. Какая безысходная тоска и угнетающая скука!

Соглашаюсь и допускаю: по трагической необходимости исторіи новая жизнь может начаться именно так страшно и безнадежно, но сознательно желать и готовить такую смѣну большевизма преступно и бессмысленно. Хотѣть такой смѣны — значит хотѣть увѣковѣченія духа большевизма в Россіи.

Нѣтъ, серьезно задумывать новый облик Россіи нельзя без вѣры в то, что послѣ оглушительнаго агитаціоннаго крика, послѣ нескончаемаго потока бушующих, но мертвых слов для всѣх наиболѣе искренних, горячих, а потому, Бог даст, и наиболѣе сильных русских людей, будет насущнѣйшею потребностью и величайшим счастьем перестать говорить об истинѣ и начать в молчаніи, болѣе руками, чѣм устами, заново творить ее образ.

Мнѣ кажется, что в Россіи послѣ паденія или сверженія большевистской власти должна будет наступить нѣкая историческая секунда, в которую рѣшится вопрос бытія или небытія той русской христіанской культуры, о которой так много говорилось в эмиграціи. Если этой культурѣ быть на Руси, то в эту секунду вокруг всѣх умученных, но еще не снесенных церквей соберутся какіе то друг другу мало лзвѣстные люди, чтобы без сговора начать общерусское христіанское дѣло. Люди эти заново сложат разваленную ограду, снова водрузят крест, разыщут и соберут иконы, наладят хор. Начнутся церковно-приходскія собранія и бесѣды по религіозным, социальным и политическим вопросам, организуется помощь больным и бѣдным. Так из тишины возникнет и, захватывая одну за другой всѣ стороны общественности и культуры, начнет постепенно расти и шириться новая христіанская жизнь.

Есть один вопрос, таящий в себѣ почти неразрѣшимую трудность. Это вопрос об отношеніи между церковью и государством. Почти невѣроятная сложность этого вопроса заключается в том, что христіанство, царство котораго «не от міра сего», чтобы творить социальную, а тѣм самым и политическую правду міра, должно быть, повидимому, поставлено в нем не только как правда, но и как сила.

Теократическое, т.-е. папо-цезаристское разрѣшеніе этого вопроса, принесло міру и христіанству явно больше вреда, чѣм пользы. Не меньше вреда принесло и обратное цезаро-папистское разрѣшеніе его. Царствует ли церковь при помощи государства, становясь сама государством, царствует ли государство, обязуя церковь тѣми или иными мѣрами служить себѣ — это не большая разница. Всякое сліяніе церкви и государства, хотя бы только в лицѣ чиновника налогового управления, приходящаго описывать вѣрнаго, но нерадиваго сына церкви в пользу причта и государства, полно больших трудностей и соблазнов.

Церковь, собирающая нужныя ей для существованія средства при помощи полицейской власти, не может быть независимой совѣстью государства. Выполненіе этой трудной задачи (современная борьба исповѣдническаго движенія в Германіи является неоспоримым доказательством правильности моего положенія) может быть по силам лишь для церкви, матеріально и административно абсолютно независимой от государства, для церкви живущей исключительно добровольными взносами прихожан и уже по своему виѣшнему виду являющей образ нездѣшняго міра, т.-е. для церкви отдѣленной от государства.

Принцип отдѣленія церкви от государства не приходится ни обосновывать ни защищать. За него сейчас высказываются как вѣрующіе, так и не вѣрующіе, как враги церкви, надѣющіеся, что без государственной поддержки христіанская выдумка быстро погибнет, так и ея вѣрующіе сыны, уповающіе, что уничтоженіе соблазнов властвованія только укрѣпит внутреннюю силу церкви. Как ни удобно это единеніе в практическом отношеніи, трудно отдѣлаться от чувства, что в нем не все благополучно, от мысли, что должна же быть нѣкая очевидная разница между отдѣленіем, провозглашенном в свое время фран-

цузской революціей, и тѣм, к которому только и может стремиться христіанская власть, стоящая перед задачей преодоленія большевистскаго послѣсловія к просвѣщенной эпохѣ. Сведеніе этой разницы к разницѣ чисто психологической, успокоеніе на мысли, что при наличіи в будущей Россіи живых и соціально озабоченных христіан, власть как-то сама будет христіанизироваться, представляется мнѣ не правильным все по тѣм же, уже не раз подчеркнутым мною соображеніям о духѣ и стилѣ нашей эпохи. Пульс жизни современнаго человѣчества бьется не в обществѣ, а в государствѣ. Тяжба Христа и антихриста рѣшается сейчас в огне революцій и войн. Христіанству, стремящемуся спастись не только отдѣльные сердца и души, но и строить соціальную и политическую жизнь, нельзя потому оставаться обществом, не имѣющим никакого отношенія к государству. Без выхода из аскетическаго полумрака катакомб и келій и без возвышенія над практикой богоугодных заведеній христіанству трагическихъ вопросов современности не разрѣшить и судебъ міра не устроить. Из этихъ положеній не слѣдуетъ ни права церкви требовать себѣ от государства тѣхъ или иныхъ политическихъ полномочій, ни тѣмъ паче права государства насилловать общественно государственную жизнь во имя клерикальной идеологіи. По уже условленному исключенію всѣхъ папозаристскихъ и цезаро-папистскихъ соблазновъ из этихъ положеній слѣдуетъ нѣчто совершенно иное: согласіе христіанской власти на церковное руководство, готовность к церковному послушанію и к обнародованію в той или иной формѣ этой своей готовности, т.-е. к созданію всенародно виднаго единенія, а в трагическомъ случаѣ и мѣста борьбы между христіанской совѣстью государства и его земными нуждами и необходимостями.

Мысли эти никоимъ образомъ не ведутъ вспять к тѣмъ прежнимъ формамъ взаимоотношенія церкви и государства, при которыхъ церковь в хозяйственно-правовомъ отношеніи наживалась на государствѣ, а государство охотно украшалось христіанскими добродѣтелями. Наоборот, в нихъ заложена единственно возможная гарантія противъ превращенія христіанской власти будущаго в клерикально-націоналистическую деспотію стараго типа. Кандидатовъ в православные диктаторы при нѣкоторомъ возможномъ стеченіи обстоятельствъ завтра в эмиграціи, а быть

может и в Россіи найдутся десятки. Всѣ они с удовольствіем повторяют либерально-соціалистическій лозунг, что религія — частное дѣло каждаго, и с еще большим удовольствіем сочтут не касающимся христіанской Россіи, частным дѣлом государственной власти возстановленіе всего устарѣлаго арсенала лжехристіанскаго клерикализма. Отмежеваніе от такого возрожденія христіанской власти является насущною необходимою пореволюціонно-религіознаго сознанія. Иного же средства отмежеванія, кромѣ как того или иного правового оформленія своей готовности в опредѣленных особо важных случаях считаться с голосом церкви, как с голосом подлинной народной совѣсти для будущаго антибольшевистскаго, антифашистскаго и сверхлиберальнаго христіанскаго государства нѣтъ и быть не может. Развитіе и уточненіе этого положенія требуют особаго и тщательнаго изслѣдованія. Откладывая потому анализ новаго взаимоотношенія между государством и церковью до слѣдующей статьи, я закончу и поясню мои бѣглые намеки слѣдующим простым соображеніем.

Извѣстно, что Владимір Соловьев предлагал Александру III, как христіанскому государю, не казнить убійц своего отца, и что он в своей послѣдующей публицистической дѣятельности требовал от русской монархіи религіозно-нравственнаго, а тѣм самым, согласно его концепціи, и политическаго примиренія с поляками-католиками и евреями. Я думаю, что если бы эти требованія были в свое время провозглашены не безправным приват-доцентом и публицистом, а патриархом русской православной церкви и если бы они раздались не в монархіи, в которой церковь возглавлялась синодальным чиновничеством, а в государствѣ, связанном с церковью добровольно взятым на себя обязательством заслушиванія и взвѣшиванія ея голоса, в нѣкоторых же религіозно особо существенных случаях и обязательством подчиненія ему, то это могло бы сыграть большую и положительную роль.

Что было невозможно в прошлом, то должно стать возможным в будущем. Конечно, без вѣры в устроительную силу добра на землѣ, без вѣры в то, что освобожденная от государственных тисков церковь сможет в рѣшающую минуту единомысленно предохранить власть от религіозно недопустима-

го и политически несправимаго рѣшенія, всѣ высказанныя мною мысли становятся совершенно безпредметными. Но безпредметными становятся тогда и всѣ устремленія к новой эрѣ дѣйствительнаго, соціальнаго христіанства.

Против всего сказаннаго, несмотря на всѣ мои оговорки, будут, конечно, выдвинуты обвиненія в утолизмѣ. Правда, послѣ того, что удалось сдѣлать большевизму в Россіи и націонализму в Германіи, вопрос о неосуществимости утопій надо было бы пересмотрѣть в корнѣ. На наших глазах понятія реальной политики и утопіи настолько приблизились друг к другу, что всякая, лишенная конструктивной фантазіи политическая мысль невольно кажется безпочвенной и утопичной. Тѣм не менѣ для антифашистскаго, а потому в каком-то весьма существенном смыслѣ все же и демократическаго сознанія есть одно соображеніе, ослабляющее, по крайней мѣрѣ на первый взгляд, все сказанное мною.

Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться в том, что большевикам за долгіе годы их царствованія, дѣйствительно, удалось в очень значительной степени раскрестить массы русскаго народа, и что «Новый град» придется строить не на фундаментѣ святой Руси славянофилов и Достоевскаго, а на обломках марксистски-большевистскаго царства, в котором значительное большинство живой и талантливой молодежи окажется абсолютно глухим ко всякой христіанской проповѣди. Как же быть с этим большинством? Возможно ли задумывать образ Россіи, явно идущій в разрѣз с волею этого большинства? Думаю, что для демократов новой формации, не стоящих на позиціи демократическаго формализма, вопрос этот не таит в себѣ никаких особых затрудненій. В «Новом Градѣ», между прочим, и мною уже не раз высказывалась очевидная по нашим временам мысль, что защита реальной демократіи не только допускает, но даже и требует примѣненія и не демократических методов борьбы. Непониманіе этой истины Временным правительством привело Россію к большевизму. Но если допустимо уже существующую демократію защищать в

минуты опасности и недемократическими мѣрами, то нѣтъ никаких оснований требовать, чтобы подлинно народная и подлинно демократическая Россія осуществлялась по всѣм правилам формально-демократической игры в большинство и меньшинство. Не то важно, чтобы будущіе правители Россіи пришли к власти демократическими путями, а то, чтобы они не оставались у нея вопреки явной воли честно и свободно опрошеннаго народа. Путем постановки на голосованіе своего религиозно-соціального міросозерцанія христіанской элитѣ к власти не прийти, но растворить себя, как элиту, в общенародной волѣ уже послѣ прихода к власти ей будет безусловно легче, чѣм всякой другой инициативной группѣ, если только она, согласно всему вышесказанному, начнет свое дѣло не с совершенно невозможнаго и ненужнаго в ближайшее время «оцерковленія культуры», а с насущнаго очеловѣченія жизни. Естественныя права человѣка и гражданина, свободный труд и социальная справедливость, мирное устроеніе своего дома, трезвое и миролюбивое разрѣшеніе вопросов внѣшней политики — вот та внѣ христіанства неосуществимая демократическая программа, за которую в Россіи, пережившей поголовное безправіе и каторгу рабскаго труда, выскажется безусловно громадное большинство населенія и над которой нам в эмиграціи надо неустанно работать. За исключеніем старозавѣтных либерал-и социал-демократических группировок, всѣ эмигрантскія политическія формаціи пореволюціоннаго типа стоят на тѣх же религиозных позиціях, что и Новый Град. Наша особенность заключастся лишь в том, что мы, как огни, боимся превращенія христіанства в мертво-клерикальную идеологію, в бытовой аксессуар національной революціи, утробно устремленной к созданію скуластой, трезвонной и погромной фашистской Россіи. По нашему глубокому убѣжденію, религиозное возрожденіе Россіи предполагает исход из абсолютно первичнаго и подлиннаго христіанства и из пристального, свободного непредвзято-справедливаго изученія совѣтской Россіи. Лично мнѣ кажется, что, если бы лучший представитель Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія, исповѣдующій непреложную христіанскую истину, что вся исторія человѣчества цѣликом свершается в отдѣльных человѣческих душах на путях тревож-

наго исканія соціальної правды, вплотную подошел к лучшему младороссу, горячо устремленному к лицу совѣтской Россіи и всецѣло преданному дѣлу ея преображенія, то в эмиграціи со-здался бы тот человѣческій тип, который нужен для новаго строительства Россіи. Одно надо только твердо помнить. Уда-ча всѣх наших замыслов всецѣло зависит от того, найдем ли мы отзыв в самой Россіи. Я ни минуты не обольщаюсь надеж-дой, что его будет легко найти, и отнюдь не увѣрен, что он будет найден. Твердо я знаю только одно, что для того, что-бы наша работа была осмысленной, нам надо встрѣтиться с Россіей. Наша вѣра в возможность этой встрѣчи держится на-деждой на духовный рост оппозиціоннаго комсомольца, на обо-стреніе критическаго сознанія совѣтскаго студента и ученаго, на пробужденіе в новом совѣтском человѣкѣ чувства націо-нальной отвѣтственности за все то страшное, что его совѣт-ская власть сдѣлала с Россіей, на бунт русской со-вѣсти и на низбѣжную в свѣтѣ этого бун-та встрѣчу практически дѣловаго активиз-ма потерявшей вѣру в Маркса совѣтской молодежи с тою высшею духовною актив-ностью, которая за годы большевистскаго господства была проявлена лучшими рус-скими людьми, мучениками за вѣру и ро-дину.

Какова психологическая реальность и дѣйствительная со-ціологическая структура Совѣтскаго Союза — сказать не лег-ко. И зная все, мы видим очень мало. Все же мы вряд ли оши-бемя, если предположим, что служилый класс Совѣтскаго Со-юза, к которому, за исключеніем верхняго слоя правительства и доживающих свой вѣк лишенцев, принадлежит почти все на-родонаселеніе Союза, дѣйствительно представляет собою нѣ-кое безклассовое общество. Культурный уровень наиболѣе вы-дающихся представителей этого общества надо считать силь-но сниженным, но культурность масс в Россіи безусловно по-высилась. Общество это несет громадный, подчас героическій труд и в массѣ своей, по крайней мѣрѣ, не требует от жизни

ничего, кромѣ удовлетворенія самых скромных и безспорных нужд: квартиры, заработка, свободного времени для книги и бесѣды и ненасильственной смерти в собственной постели.

Не только не ставя большевикам в заслугу создание такого общества, но и не прощая им его, нельзя все же не видѣть, что совѣтская жизнь является весьма пригодной базой для возведенія перваго гуманитарнаго этажа «Новаго града». Вѣдь и христіанство всегда защищало труд и прежде всего даже физическій труд, как основу человѣческаго общежитія. Вѣдь, и оно проповѣдывало трудовой солидаризм общества и защищало собственность лишь как минимум тѣх щедрот, от которых всегда можно и должно удѣлять ближнему, вѣдь, и оно защищало умѣренность в пользованіи земными наслажденіями. Мало-мальски безпристрастное изслѣдованіе вопроса об отношеніи христіанства к социализму и капитализму с непре- ржаемой очевидностью устанавливает социалистическую, а не капиталистическую душу социальной эпохи христіанства. Раздѣленіе труда и капитала, неустраненіе дохода, взиманіе процентов, опредѣленіе цен на продукты производства рынком, а не трудом, замѣна сословной структуры общества классовой, маммонизм буржуазной цивилизаціи — все это всегда встрѣчало в лицѣ христіанства опредѣленное осужденіе. Я знаю, что против этого положенія можно привести много фактов и соображеній, говорящих на первый взгляд обратное. Первое впечатлѣніе, однако, не вѣрно. Неоспоримо, конечно, что в годы ожесточенной борьбы между капиталистическими правительствами и революціонерами-социалистами пастыри всѣх исповѣданій и національностей стояли на правительственной сторонѣ. Но это объясняется не капиталистическими симпатіями христіанской этики, а христіанским ученіем о божественном происхожденіи власти, которым земная церковь часто не в мѣру злоупотребляла в цѣлях сохраненія своих общественно-государственных привилегій. Борьба между социальной этикой христіанства и христіанским положеніем о религиозных истоках государственной власти очень острая тема, которую я не могу развивать подробно. Скажу только, что, в общем, социальная этика христіанства, говоря политическим языком современности, была всегда много радикальнѣе христіанской соціо-

логии и прежде всего христианского учения о власти и государстве. Характерная для капиталистической эпохи победа консервативной социологии христианства над более радикальной социальной этикой. представляется мнею одною из наиболее существенных причин практической неудачи социального христианства в 19-ом веке. Здесь ныне необходимы новые мысли и новые пути.

Из сказанного вытекает с полною очевидностью, что превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением, как перед идеей социального христианства, так и перед всеми пережитыми Россией муками. Вся задача пореволюционного строительства должна заключаться в том, чтобы в муках рожденную трудовую жизнь, в очень большой степени поравнявшую бедных и богатых, знатных и простых, духовно утонченных и малограмотных, не просто отринуть, но, до неузнаваемости, повысить ее бытовой и хозяйственный уровень, как-то и удержать, как основу новой соборной и универсальной христианской культуры.

Развивать подробно социально-политический и культурно-педагогический смысл этой формулы мнею невозможно. Можно попытаться лишь совсем приблизительно набросать отдельные черты социального лица будущей России.

Как уже не раз ответственно писалось в «Новом Граде», и в случае падения большевиков земля должна будет остаться изъятой из свободного частновладельческого товарооборота. Дабы крестьянство не попало в новое рабство к частному, да еще иностранному капиталу, государство должно будет оставить за собою верховное право собственности на землю. Это однако не значит, что земельный строй России должен навсегда остаться строем крепостнических колхозов. Покоющаяся на понятии личности христианская культура не отрицает начала собственности, а, наоборот, утверждает его. Изъятие земли из безконтрольного частно-владельческого товарооборота должно потому быть направлено не к уничтожению всякой собственности на землю, а лишь к утверждению подлинного смысла землевладения, который не может заключаться ни в чем ином,

как в создании трудовой и нравственной связи человека с землей, с природным и животным миром. В этом смысле всякое трудовое, и в особенности крестьянское хозяйство есть такая же первооснова жизни, как любовь и семья. Практически из этого следует, что, если бы крестьяне-колхозники пожелали в будущем вернуться к формам единоличного хозяйства, то государство должно будет найти те или иные возможности для надления их землей и финансирования этого возврата. Мне лично Россия, обрабатывающая землю исключительно в колхозно-коллективном порядке, никак не видится, и я уверен, что тяга к своей земле проснется с очень большою силою.

Из этого, однако, не следует, что колхозы должны будут окончательно исчезнуть, что их нужно будет принудительно ликвидировать. В религиозном плане в их защиту может быть выдвинуто соображение, что личностью, хотя бы только и в переносном смысле, может быть и коллектив, живущий ладною, единомысленною жизнью. В мѣру превращения советских колхозов в дружные трудовые артели, закрепление земли за ними можно только приветствовать. Принудительное насаждение столыпинских отрубков было бы в России, с ее традицией «мирского» хозяйства, таким же произволом, как и принудительное удержание крестьян в колхозах. В пользу свободных колхозов говорит еще то, что техническое оборудование их гораздо легче и дешевле чем оборудование единоличных хозяйств. Весьма важно, наконец, и соображение, что в колхозах гораздо легче организовать ту общественно-коллективную жизнь, которая сейчас всюду становится нормальною для молодого поколения: клубы, читальни, спортивные площадки и кинематографы. Весьма вероятно, что прошедшая советскую школу холостая молодежь будет в свободных колхозах работать гораздо охотнее, чем в родительских индивидуальных хозяйствах. Но вероятно также и то, что семейные крестьяне, у которых уже подрастают дети, будут охотно выходить в частники. Нашу ненависть к идеократически закупоренным крепостническим колхозам советской России несправедливо и вредно переносить на все формы артельно-кооперативного общего дела. Весь мир напряженно ищет сейчас перехода от индивидуалистических форм жизни и хозяйствования к формам нового

коллективизма. Исканія эти экономически необходимы и духовно праведны.

Что касается промышленности, которой предстоит еще очень большой расцвѣт, то ясно, что ее придется строить на тѣх же сложных основаніях не бессмысленной отмѣны всего, что сдѣлано большевиками, а на утвержденіи и преобразеніи уже начатаго ими. Всѣ ключевыя производства должны будут остаться в руках государства. В частно-владѣльческом производственном секторѣ, работа котораго должна будет вестись под общим руководством контрольных инстанцій государства, важно будет не допустить эксплоатаціи рабочих новыми предпринимателями. Плановость будет играть очень значительную роль. Самую трудную, но и самую важную задачей будет устроение в новой жизни психологиче- идеологически развѣнченнаго рабочаго-пролетарія. Одним продолженіем уже начатаго большевиками улучшения его внѣшней жизни — квартирами, клубами, больницами, домами отдыха — этой проблемы не разрѣшить. Выпавшій на долю, как соціологически, так и экономически мало состоятельной марксистской доктрины громаднй политическій успѣх явно объясняется тѣм, что у нея был свой паѳос и своя трудовая этика, по-своему осмысливавшіе и сѣрыя рабочія будни и праздничныя, пролетарскія барикады. Миѳологія марксизма в глазах будущей Россіи окажется скомпрометированной и отмѣненной. Уже и сейчас Россія живет не марксистским, а совершенно иным паѳосом. Если из формулы этого новаго паѳоса — «мы владѣем шестою частью всего земного шара и отстраиваем родину пролетаріата на страх буржуазным врагам» — выбросить оба дореволюціонных момента — марксистское противопоставленіе буржуазіи пролетаріату и имперіалистическое «царствуй на страх врагам», то получится прекрасная, слегка измѣненная формула будущаго строительства: «Россія владѣет шестою частью всего міра, какой восторг отстраивать и защищать свою родину во славу мира и процвѣтанія челоуѣчества». Окончательно замѣнить все еще не ликвидированную марксистскую мечту мірового пожара во славу пролетарскаго интернаціонала патріотическим паѳосом всенародно преобразяющаго труда, вот та, требующая фантазіи и педагогическаго дара зада-

ча, над которою придется много поработать будущей власти. И тут простого продолженія начатаго большевиками дѣла окажется недостаточно.

Разрабатывать природныя богатства Россіи, строить заводы и фабрики, выпускать по тысячѣ автомобилей и тракторов в секунду — очень хорошо, но дѣлать все это для того, чтобы на путях навязшей в зубах всемірной пролетарской революціи привести всѣ явленія міра и всѣ людскія сознанія к общему знаменателю марксистской идеологии и пролетарскаго счастья без Бога, но с радіо и граммофоном — ужасно скучно. Всѣ мало-мальски духовные люди, побывавшіе за послѣднее время в Россіи, единогласно свидѣтельствуют о том, что большевистская власть не только по злой волѣ, но и невольно накладывает на всѣ проблески и любѣги как будто нарождающейся новой жизни тяжелую печать убогаго унынія, что весь ужас большевистской Россіи в том, что в ней мертвы чувства красоты и поэзіи. Мнѣ кажется, что верховною, воспитательною, но не агитаціонною задачей будущей власти будет пробужденіе этих чувств. Новый русскій трудовой націонализм, который, Бог даст, смѣнит пролетарскій патриотизм, будет держаться на чувствахъ живой влюбленности в Россію, на безконечно радостном ощущеніи этой единственной по своим размѣрам и богатствам, по своей красотѣ и обаятельности, по своей безспорной талантливости и неиспользованности своих возможностей странѣ. Счастье быть русским, быть сыном и создателем цѣлаго міра, у котораго все есть, которому не нужно громоздить великих, но и проклятых историческихъ событій, чтобы добиваться своего мѣста под солнцем, которому можно мирно и вольно цвѣсти под ним всѣм своимъ богатнымъ бытіем — вот то чувство, на которомъ только и можно праведно строить новую національную жизнь.

В эмиграціи в послѣднее время все сильнѣе звучит тема русскаго націонализма и русской національной революціи. Нарастаніе этой темы вполне понятно, как в связи с поворотом большевистской идеологии к (во многом оскорбительной) идеѣ

пролетарской родины, так и с обострением национализма во всем мире. В том, что силою, которая сметит, а, может быть, и сломит большевистскую диктатуру, будет сила горячего национального подъема, сомневаться не приходится. Подъем этот можно однако безоговорочно приветствовать лишь при условии его безусловной русскости и его связанности с духом и плотью России. Самая значительная черта русского духа его всемирность и всемирность, широта и глубина его дыхания. Самая значительная черта русской государственной плоти — многоплеменность и многоязычность России, представляющей собою не нацию, а целую семью наций. Сворачивать в тулик великорусски-славянофильского обрусительного шовинизма эпохи Александра III, мало чувствительной как к Петровскому окну в Европу, блистательному Петербургу, так и к экзотическому образу сказочной персидской княжны, значит проявлять величайшую нечувствительность к облику и гению России. Из этого никак, конечно, не следует, чтобы гений русского патриотизма был обязан предоставлять всем населяющим Россию народностям не только право на самоопределение, но и право на отделение. Вести русское государство может, конечно, лишь русское, точнее великорусское племя. В этом водительство должна твердо звучать тема имперской великодержавности. О том, в каких государственно-правовых формах должны быть в будущей России связаны великодержавность и федерализм, говорить в данной статье невозможно. Мне важно указать лишь на ту двупланность русской национальной идеи, которая одна только гарантирует ее русскость. Пользуясь терминологией Г. П. Федотова, можно сказать, что у каждого русского человека чувство любви к своей великорусской, или украинской, крымской или сибирской родине должно быть нераздельно связано с чувством общерусского, имперского отечества.

Заканчивая свои раздумья о будущем облике России и чистосердечно спрашивая себя, осмысленно ли призывать все живые силы эмиграции к его осуществлению — я не могу скрыть от себя и не хочу скрывать от читателей главного недостатка

моей статьи: в ней нѣтъ никаких указаній на тѣ пути, которые могли бы привести к осуществленію моих предчувствій и устремленій. Если я, тѣм не менѣе, написал все то, что написалось, то лишь по глубокой увѣренности, что для всѣх политических дѣятелей эмиграціи — вождей и рядовых работников — прежде всего важно духовное ощущеніе той Россіи, за которую только и стоит бороться и которая в С.С.С.Р. уже сейчас так же существует, как облик милаго лица на непроявленной пластинкѣ. Преслѣдующее меня, как я признавался вначалѣ, жестокое отталкиваніе от обѣих Европ сыграло роль проявителя. Подлинное лицо рождающейся в совѣтской Россіи Россіи живо стоит перед глазами. Вѣра в возможность его историческаго воплощенія непоколебима. Жива потому и надежда, что, если не отводить глаз и неустанно крѣпить волю, то найдутся и конкретные пути борьбы и побѣды.

Федор Степун.

Аура коммунизма

Отвратительна атмосфера, образовавшаяся вокруг русскаго коммунизма, и мучительно невѣрны всѣ сужденія о нем, самыя противоположныя сужденія. Всѣ реакціи на коммунизм происходят как бы в искусственной средѣ, при отсутствіи свободного дыханія. Реакціи большей части русской эмиграціи ошибочны и извращены. Но по другому ошибочны и извращены реакціи *intellectuels* Западной Европы. Ужасна атмосфера, созданная коммунизмом, потому, что в ней ничто не рассматривается по существу, и что в ней почти невозможно рассмотреть истину. Иностранец, пріѣхавшій рассматривать совѣтскую Россію, при всем желаніи истины рассмотреть не может. Правда, иностранцы проявляют иногда большое легкомысліе в своих сужденіях о Россіи. Но самыя противоположныя сужденія путешествовавших по странѣ совѣтов одинаково могут быть вѣр-